

хотел бы его истолковать упрощенно: «Мнози бо странници неправо глаголють о схождении света святаго; ин бо глаголетъ, яко святыи дух голу- бем сходит ко гробу господню; а друзии глаголють: молнии сходить с не- бесе и тако вжигаются кандила над гробом господнимъ. И то есть лжа и не правда: ничтоже бо есть не видети тогда ни голубя, ни молнии, но тако невидимо сходит с небеси благодатию божиею и вжигает кандила в гробе господни». И далее, чтобы у читателя не было подозрения в какой-нибудь подделке и хитрости церковников, удостоверяет, что все огни в храме тушат и гроб запечатывают, а «кандила» все-таки «вжигаются».⁶³

Труд Даниила не только служил хорошим пособием для церковников, нуждавшихся в своде доказательств в своей пропаганде или в спорах с «не- верными» людьми. Его «Хождение» могло свободно читаться и грамотным горожанином. Не случайно сам Даниил указывает, что он писал «не хитро, но просто».⁶⁴

Разбор «Хождения» Даниила показывает, как приходилось перевоору- жаться русскому духовенству, чтобы укрепить свои позиции в борьбе с со- противлением народных масс. «Хождение» приобрело особую актуальность сразу же после его появления. Киевское восстание 1113 г. грозило обру- шиться и на монастыри и церкви.⁶⁵

Эта же накаленная обстановка определила судьбу Несторова «Чтения», срочную необходимость в новом произведении о чудесах Бориса и Глеба, а вместе с тем обусловила задачу и самый стиль «Сказания о чудесах». Оно прежде всего должно было убеждать, должно было точно засвидетель- ствовать, обставить фактическими данными и показаниями «самовидцев» чудеса святых князей для устранения сомнений «невегласей» в их досто- верности. Здесь опыт игумена Даниила и его «Хождение» могли быть ис- пользованы. Это была не только продиктованная ходом классовой борьбы деловая установка для писателя-церковника, это в известной мере было вынужденным сближением его мышления с мыш- лением народа, его приемов с принципами народного творчества, народной мифологии.

Осуществление народных чаяний о социальной справедливости, о сча- стливой и радостной жизни было веками недоступно народу. Чувство бес- силия перед силами природы и перед навалившимся на народ гнетом господ было особенно остро в начальный период феодализма, когда еще были живы воспоминания о патриархальной свободе ремесленника и смерда. Поражения разрозненных и стихийных восстаний усиливали это сознание и обновляли почву для отражения народных чаяний в форме светлой сказки и фантастической выдумки, полной «чудесных» — потому что несбыточ- ных — картин, вмешательства добрых и злых сверхъестественных сил в жизнь и судьбу человека. При этом фантазия была конкретной и реали- стической по своему поэтическому оформлению, была своеобразной и правдой, а невероятность выдумки не воспринималась народом как ложь.

Если Несторово «Чтение» превращало действительность в лишенный пространства мир безымянных лиц и неведомых мест, видимо, исходя из мысли, что это более приличествует высокому значению проявлений боже- ственного промысла и что вера не требует доказательств, то жизнь на- голову разбила отвлеченную идеалистическую творческую концепцию писа- теля-монаха. Концепция эта была мимо цели и сразу же отстала от острых требований жизни. В этом была основная причина «непопулярности» «Чтения».

⁶³ Житие и хоженье... стр. 126—127.

⁶⁴ Житие и хоженье... стр. 126.

⁶⁵ ПВЛ, т. I, стр. 196.